

Кто я?

Маркус Агирре

Темный дом. Заброшенный, старый. Внутри кто-то есть. В темном углу сидит человек...

Автобус, пассажиры. На лицо падает солнечный луч, от этого начинает сильно болеть голова. Автобус очень медленно едет и трясется. От тряски начинается агрессия, хочется кого-то убить...

Дом, старый заброшенный дом. Из окон вырывается огонь. Внутри человек, который задыхается. Жар, сильный жар, страх и боль. Жар проникает внутрь, разрывает сознание...

Он вскрикнул и проснулся. Сердце бешено колотилось в груди, одежда была мокрой, а тело заливал пот, и он встал с постели. Надо переодеться. Снять футболку с длинными рукавами у него получилось, с этим он справлялся сам, а вот с тем, чтобы ее вывернуть - не очень. Сейчас у него не получилось вывернуть футболку, и он тяжело вздохнул. Попробовал несколько раз, но ни разу не получилось, и он в ярости швырнул ее на пол. А потом лег на циновку. Повернулся на бок и стал смотреть в стену. Он старался быть хорошим и послушным пациентом, выполнял все назначения, по мере восстановления старался реже просить о помощи, но иногда и ему, как любому человеку, было тяжело. Он не смог справиться с простейшей задачей - вывернуть футболку. А еще у него больше не было одежды, чтобы переодеться. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза. Жар тела из-за кошмарного сна постепенно проходил, и он задрожал от холода. Он укрылся одеялом и тихо всхлипнул.

Впервые за полтора месяца, что он тут находится, обретая разные навыки и совсем немного научившись говорить, чтобы банально попросить что-то, он почувствовал слабость и нежелание дальше что-то делать. Ему было страшно только от осознания того, что, возможно, ему скоро придется покинуть это место и отправиться в комнату в корпусе. Он боялся, что не сможет выжить, оставшись без поддержки.

Но ведь эти люди не обязаны за ним ухаживать и заботиться. Или... неужели все это напрасно, и он никогда не сможет вывернуть футболку или штаны? Он сглотнул противный комок слез и вздохнул.

Цэрин Лхаце

С того дня, как к ней пришел Джун с просьбой о помощи и обрисовал непростую ситуацию, Цэрин Лхаце поняла - в ближайшие месяцы ее жизнь будет подчиняться новому графику. История Маркуса поразила ее до глубины души, пусть она в своей привычной манере и постаралась этого не показывать, и девушка не колебалась ни минуты, соглашаясь использовать имеющийся опыт ухода за больными, чтобы помочь человеку, в очередной раз попавшему в беду. Хотя сейчас все было намного

страшнее, в чем Цэрин Лхаце смогла убедиться сразу, как ей удалось увидеть своего подопечного.

А потом были долгие полные забот дни. Конечно, значительную часть ухода за Маркусом легла на плечи Джуна и его друга, но в каких-то моментах они были неопытными и неумелыми и полностью доверяли часть вопросов ей. Хотя дело тут могло быть в том, что определенную работу они считали женской, пусть никогда и не говорили об этом прямо. Но, в любом случае, вложенные усилия не были напрасны, поскольку Маркус, пусть и очень медленно, но восстанавливался, регулярно достигая небольших, но для него очень важных успехов.

Сегодня Цэрин Лхаце, как обычно, пришла в лазарет утром, с завтраком на подносе и сразу обратила внимание на валяющуюся на полу футболку. Но комментировать ничего не стала, поставив поднос рядом с циновкой Маркуса и подняв попавший в немилость предмет одежды.

- Я сейчас принесу новую. - Цэрин Лхаце оценила степень влажности футболки и пришла к выводу, что надевать ее обратно нельзя. Как именно та оказалась на полу, девушка вполне могла представить, но решила не уделять этому внимания, предпочитая для начала заняться решением бытовых вопросов.

Маркус Агирре

До обонятельных рецепторов донесся запах. Мяса и риса. Потом слышались шаги, и еда оказалась около циновки. Он никак не отреагировал на нее, но голос, раздавшийся около, заставил его вздрогнуть и стереть с глаз слезы. Потом он повернулся и посмотрел на девушку. У нее было двойное имя, оно было сложное, но он старался запоминать все и быть со всеми вежливым.

- Здра-ствуй-те, Цэ-рин Лха-це, - произнес он по слогам и достаточно медленно. Потому что говорить он начал несколько дней назад, и речь его была очень далека от совершенства.

Девушка в руках держала его футболку, и он в очередной раз почувствовал стыд. Щеки налились смущенным румянцем, и он виновато посмотрел на девушку.

- Про-сти-те, я не смог ее вы... вы-а-рнуть. - Пробормотал он, в очередной раз осознав, что слово "вывернуть" слишком сложное для него. Впрочем, как и масса остальных слов.

Запахи еды манили, и он, приняв полусидячее положение, взял с подноса миску с рисом и мясом, и палочки. Попытался ими что-то сделать, но еда просыпалась. Он тяжело вздохнул и, отложив палочки, стал есть привычной ложкой. Настроение несколько улучшилось, когда он почувствовал, что наелся.

- Это вкус-но, спа-си-бо, - сказал он и слабо и виновато улыбнулся. Виновато - потому, что снова ел неаккуратно.

Цэрин Лхаце

- Здравствуй, Маркус, - как можно отчетливее произнесла девушка, что для

разговора с подопечным стало для нее практически привычкой. Цэрин Лхаце отказалась от формальностей в их общении, как это было раньше, полагая, что чем проще и понятнее она будет говорить, тем быстрее больной снова сможет овладеть речью на достаточно сносном уровне. Хотя у него и сейчас получалось уже достаточно неплохо, пусть о полном восстановлении речи пока и близко не шло.

- Не нужно извиняться, все нормально. - Слова Маркуса окончательно прояснили ситуацию с перемещением футболки на пол. Естественно, собственная немота не доставляла ему ни малейшего удовольствия, но, как отмечала Цэрин Лхаце, держался он очень неплохо и вел себя намного сдержаннее, чем до ужасного случая, чуть не стоившего ему жизни.

Пока Маркус разбирался с едой, девушка все-таки сходила за чистой футболкой, попутно положив предыдущую вместе с вещами для стирки. Подобные действия стали для нее уже чем-то обыденным, и больную их часть девушка совершала практически на автомате. А вот к способности подопечного есть самостоятельно ей еще стоило привыкнуть, хотя по возвращению с чистой одеждой Цэрин Лхаце было приятно видеть, что тот практически справился со своей задачей.

- Это хорошо, что тебе понравилось. - девушка временно отложила футболку, чтобы отставить поднос с пустой посудой подальше и полотенцем осторожно убрать оставшиеся на лице и теле зернышки риса. - Тебе помочь с футболкой? - Она снова взяла в руки принесенный предмет одежды и вопросительно посмотрела на молодого человека. Ему стоило постепенно переходить на самообслуживание, поэтому сейчас она уже не собиралась одевать его как куклу, но минимальную помощь оказать могла, чтобы немного ускорить процесс облачения.

Маркус Агирре

Когда девушка в очередной раз осторожно убрала остатки еды с его губ, он вновь почувствовал отвращение к себе. Он хотел отблагодарить девушку за все, что она делала, ведь она ни разу не отозвалась о нем плохо и не ругала его. Но он не знал, как выразить свою благодарность. Потому что он не знал никаких слов кроме "спасибо". И это его злило. Он закрыл глаза и сжал руки в кулаки.

- Я сам оде-нусь, - сказал молодой человек, стыдливо опустив голову, а потом посмотрел на девушку и взял у нее футболку.

Ему необходимо было учиться все делать самому, и он с большинством задач справлялся. Оставалось только научиться выворачивать свои вещи и говорить. А еще много чего другого. И потом, как только он поправится, ему придется обходиться без помощи и поддержки посторонних людей.

И с кошмарами он будет справляться сам. Он вздрогнул и посмотрел на девушку.

- Мне при-с-нил-ся кош-мар. Я... хо-чу что-то вс-пом-нить. Я был пло-хим?

Слова давались ему с большим трудом, и он вздохнул. И почувствовал усталость. Вроде он не сказал ничего, но сил потратилось очень много, будто он только что пробежал как минимум марафон. И это его угнетало.

- Мож-но мне по-пи-ть?

Цэрин Лхаце

На решение Маркуса Цэрин Лхаце отреагировала коротким кивком, позволяя забрать из своих рук футболку. Она приветствовала желание своего подопечного быстрее научиться со всем справляться самостоятельно, поэтому предпочитала оставлять все решения, которые он был в состоянии принять, за ним. Так что просто выбрала роль наблюдателя, готовясь помочь, если ее об этом попросят.

Вопрос Маркуса застал Цэрин Лхаце врасплох. Она старалась как можно меньше разговаривать с ним на личные темы, предпочтя отдать это право Джуну. Но сейчас ей было очень сложно сделать вид, что она ничего не расслышала, и перевести разговор на что-то другое, а потому девушка постаралась подобрать нейтральный ответ, толком не раскрывающий никаких подробностей.

- Ты был обычным, - выполняя просьбу Маркуса Цэрин Лхаце наполнила пустой стакан чистой водой и протянула молодому человеку. - Таким, как и все. Если хочешь подробности, уточни у Джуну, когда тот придет. Он знает о тебе больше.

Собственно, из известных ей фактов биографии Маркуса рассказать можно было только о спасении ее брата, так как странные признания в любви, и регулярные попадания в неприятности мало подходили для базы, на которой стоило выстраивать новую жизнь. А вернуться к старой, благодаря жестокости судьбы, у Маркуса возможности не имелось, даже вмешайся в дело еще одно чудо.

Маркус Агирре

Он взял стакан воды в руку и прислонил к губам. Сделал несколько глотков и поставил на поднос. А потом посмотрел на девушку и глубоко вздохнул.

Эти кошмары снились ему несколько ночей. Иногда они были настолько страшными, что он просыпался среди ночи и не мог больше заснуть. Способность говорить восстанавливалась очень медленно, и никто не знал о мучавших его кошмарах. Потому что теперь рядом с ним находились все реже, чем первое время. Теперь ночью он был один. Может, конечно, кто-то и был ночью в лазарете, но к нему никто не приходил. Иногда было страшно. Словарный запас был маленький, и он даже не мог объяснить, что ему страшно просыпаться ночью и видеть кошмары. От них болела голова.

Сейчас голова тоже болела. И был какой-то страх, что эти кошмары могут повториться. Он не мог объяснить ничего.

- Мне ст-ра-шно. Мне нес-коль-ко дней снят-ся кош-мары. Я бо-юсь что ос-та-нусь о-дин. Что со мной слу-чи-лось? Кто я был? Мне го-во-ри-ли что я у-мер. Про-с-ти-те, мне тя-же-ло го-во-рить. Вы ме-ня не по-ни-ма-е-те?

Говорить было очень тяжело, и, возможно, произношение было не только неправильным, но и непонятным, и он виновато опустил глаза. Руки сжали край одеяла, которое лежало на ногах. Кто-то сказал, сто речь будет долго

восстанавливаться. Но есть ли надежда, что он когда-нибудь начнет говорить нормально? Или он всегда будет таким?

Цэрин Лхаце

Цэрин Лхаце не любила говорить на личные темы с людьми, не являющимися ее родственниками. Близких друзей у нее никогда не имелось, а с теми же приятельницами по школе она старалась сохранять дистанцию, предпочитая не участвовать в разговорах, которые не были ей интересны. Но с Маркусом девушке постоянно приходилось попадать в неловкие ситуации, которых стало ничуть не меньше после того, как он ее забыл. И сейчас, хоть Цэрин Лхаце дико хотелось промолчать и не комментировать переживания подопечного, касающиеся кошмаров, ей ничего не оставалось кроме как постараться подобрать слова, способные как-то его успокоить.

- Я тебя понимаю, - осторожно начала Цэрин Лхаце, действительно неплохо научившаяся разбирать речь Маркуса за последние дни, - но не уверена, что смогу ответить на твои вопросы. Судя по тому, что удалось узнать благодаря твоим вещам, ты был в Африке и, вероятно, там как-то вступил в контакт с бешеным животным. И да, ты уже практически умер, когда тебя нашли и смогли вернуть. Подробности можешь узнать у Джуна, он тебя обнаружил и принес в лазарет.

Посчитав, что и так сказала уже слишком много, Цэрин Лхаце замолчала, надеясь, что на этом вопросы Маркуса, касающиеся его прошлого, иссякнут. Намного проще ей было бы рассказывать о монастыре или каких-то других нейтральных вещах, но молодого человека по понятным причинам волновали совсем иные моменты, с которым она толком и не могла ему помочь.

Маркус Агирре

Девушка говорила быстро, и от этого молодому человеку было тяжело. Он посмотрел на Цэрин Лхаце и вздохнул. Она не рассказала ничего о нем, только то, что он уже знал. Он был в Африке, хотя не знал, что это за место. Какой-то материк вроде бы.

Человек по имени Маркус не знал совсем ничего, последнее время он стал понимать больше и интересоваться чем-то новым. Из всех рассказов он знал что-то о монастыре, а также о том, что у него есть родственники. Отец и двоюродная сестра. Больше о себе он до сих пор не знал ничего. И из-за того, что он только недавно обрел способность говорить, ему хотелось много узнать о себе. Кем он был раньше?

Судя по всему, Цэрин Лхаце не хотела, не знала и не могла поговорить о нем. Но о чем можно поговорить?

- Спа-си-бо, Цэ-рин Лха-це. Я ус-тал. Хо-чу спа-ть. Про-с-ти-те.

Снова его щеки налились румянцем.

Цэрин Лхаце

Судя по тому, что Маркус не стал комментировать ее слова, большую их часть он

мог просто не понять, хотя Цэрин Лхаце старалась говорить отчетливо. Но, возможно, пытаясь быстрее разделаться с непростыми вопросами, она неосознанно ускорила темп речи и немного запутала молодого человека, пусть изначально и не планировала этого делать. Что девушка решила участь на будущее, не став, впрочем, повторять свои слова в другом темпе.

- Да, конечно, отдыхай. Не буду тебе мешать. - Маркус все еще утомлялся быстро, и Цэрин Лхаце старалась лишней раз не навязывать ему свое общество, если в этом не имелось объективной необходимости. И поскольку сейчас медленно, но верно восстанавливающемуся больному уже не требовался постоянный присмотр личной сиделки, девушка пришла к выводу, что на этом их короткую беседу можно закончить и удалиться по другим делам. Но для начала она поправила одеяло, поставила рядом с циновкой новый стакан с чистой водой и забрала поднос с грязной посудой, планируя для начала отнести его в столовую. В какой-то момент Цэрин Лхаце подумала задержаться еще на пару минут, но, в итоге, не найдя никаких подходящих слов, а потому просто кивнув Маркусу на прощание, тихо покинула лазарет, надеясь, что ее подопечный если и уснет, то на этот раз без терзающих его кошмаров.

Маркус Агирре

Он хотел, чтобы Цэрин Лхаце осталась, но понимал, что она не должна постоянно находиться рядом с ним. Слабо кивнув, он лег и положил голову на подушку. Теперь можно было смотреть только на потолок, но краем глаза он увидел, как девушка поставила около него стакан воды, забрала поднос с грязной посудой. Он хотел её остановить и просто попросить посидеть рядом с ним, пока он не заснёт. Ему почему-то было страшно засыпать и вообще находиться в одиночестве. Эти кошмары пытали его воспалённый мозг, и, кажется, они были не просто кошмарами, а какими-то воспоминаниями. Но нужно ли ему вспоминать?

От раздумий заболела голова, и он закрыл глаза. Шаги Цэрин Лхаце удалялись, а может быть он просто засыпал, и звуки становились тише, пока не исчезли совсем. Он снова оказался во власти какого-то странного сна.

Заброшенный склад. Около стены стоят девушка и мужчина. Мужчина грубо лапает девушку, а потом разрывает на ней одежду. К ним сначала подходит человек, а потом на месте подошедшего появляется дикий зверь.

Больной застонал и повернулся на бок. Сжался в комочек и обнял руками подушку, которая каким-то образом оказалась не под головой. С подушкой было спокойнее, и он снова заснул.

Теперь ему снился какой-то город. Снился человек, очень похожий на человека на фотографии. Что-то тряслось и падало. В сознание вторгались какие-то крики, грохот и тряска. Человек, который был похож на человека с фотографии, упал, и на него упал большой камень...

Лежащий на циновке молодой человек вздрогнул и задрожал. Тело бросило в пот, этот холодный липкий пот заливал его тело, и он резко проснулся. Сердце, казалось,

готово выпрыгнуть из груди, футболка снова стала мокрой. Он взял в руку стакан воды, но и рука была слабой, и она тряслась, поэтому вся вода вылилась на одеяло, а стакан выпал из руки и упал на пол. Не разбился, но укатился далеко. Грохот от катящегося стакана болью отдавался в его сознании, и он вздрогнул и застонал.

Приняв полусидячее положение, он зажмурился от яркого солнца, светящего в его глаза. А потом с трудом встал с постели и снова поплёлся приводить себя в порядок. После этого кошмарного сна стало ещё хуже, чем было до этого, захотелось есть, но больше всего хотелось пить. Он протёр лицо руками и, посмотрев на свои штаны, в которых спал, поплёлся на улицу. там есть скамейка. Нужно подышать воздухом. Дойдя до неё, он тяжело опустился на неё и прислонился головой к стене. Закрыл глаза и тяжело и глубоко задышал. Из-за влажной футболки и не очень тёплого ветра ему было холодно, но сил не было снова уходить в лазарет. Там он лежит на циновке и ничего не видит. А тут иногда ходят люди...

Джун Мотидзуки

История с Маркусом, начиная с того момента, как он обнаружил его в старом полусгоревшем доме и заканчивая настоящим днем, пожалуй, стала самой безумной в жизни Джун. Сейчас события того дня, когда Тео умудрился вытащить парня с того света, уже постепенно перестали быть настолько яркими, как в первые недели, но даже так умудрились врезаться в его память со всеми мелкими нюансами, без которых, по мнению молодого человека, можно было и обойтись. И хоть все оставшееся время, которое он официально числился главной ответственной нянкой, на контрасте походило на череду серых, похожих друг на друга дней, его значение для человека, которому всему пришлось учиться заново, и помогающим в этом людям трудно было переоценить и только добавляло колорита самой истории.

Основные обязанности по уходу за Маркусом Джун, по праву тирана местного разлива, распределил между собой, Ичиро и Цэрин Лхаце, на которую, что прекрасно осознавал, взвалил многовато. Но девушка не жаловалась, если она вообще была способна на что-то подобное, и даже согласилась оказать помощь без каких-либо раздумий, за что Джун, плохо представлявший, как справлялся бы без ее готовности выполнять любую работу, был ей очень благодарен. И, обычно заранее договариваясь о своих планах на день и очередности визитов, их тройка работала по мере своих скромных сил, над тем, чтобы вверенное их заботам тело постепенно снова превратилось в полноценного человека.

Сегодня на Джуне был обед, который он, находясь во вполне себе приподнятом расположении духа, бодро тащил в сторону лазарета, когда и заметил, трясущуюся знакомую фигурку. Судя по всему, за то время, пока Маркус там валялся, дежурные врачеватели уже настолько к нему привыкли, что даже перестали обращать внимания, если парень не страдал и не пытался самоубиться. А вот сам Джун блужданий, способных негативно сказаться на здоровье, совсем не одобрял, ибо сам вложил уже в это здоровье больше, чем в свое собственное.

- Привет, - в своей привычной манере начал Джун, подходя поближе. - Чего дрожишь? Опять в мокром разгуливаешь? А ну брысь в тепло и носа не высовывай, пока не переоденешься. Или не высохнешь. - Пожалуй, на участившиеся вопросы по

поводу детей Джун с чистой совестью мог бы ответить, что роли "папочки" ему и так пока по жизни хватает. Причем влезал он в эту роль добровольно и по самые уши, невзирая на возраст вверенного ему "ребенка".

Маркус Агирре

В голове была какая-то каша из мыслей, образов и чего-то непонятного. Последний сон никак его не отпускал, и он пытался понять, что это было. Человек, которого придавливают камнем, был похож на отца. Ему показывали на людей на фотографиях, и одним из них был отец. Если это воспоминания, то что же с ним случилось? Он приехал из Африки, там заразился, и здесь оказался уже мертвым. А отец... что же произошло? На него упал камень. Значит, он погиб? Но почему ему ничего не рассказали?

Послышались шаги, потом раздался бодрый голос человека по имени Джун. Это он его нашел, и он тоже часто сидел с ним. Их, тех, кто сидел, было трое: девушка Цэрин Лхаце и два молодых человека с именами Джун и... второго он не помнил, как зовут. У него было сложное имя. И из всех троих Джун казался самым строгим.

Поэтому сейчас он вздрогнул от голоса и посмотрел на него.

- Я раз-лил во-ду на пос-тель. Я хо-чу по-си-де-ть з-десь. Я не хо-чу бы-ть о-дин.

Здесь хотя бы есть ощущение, что он из этого мира. Вот и сейчас недалеко от лазарета прошли люди. А в лазарете он один. Что ему одному делать? Только пускать слюни и смотреть в потолок.

Джун Мотидзуки

Если бы не печальность ситуации, было бы даже забавно, как парень одного возраста с ним самим реагировал на него, словно он был строгим учителем, хотя Джун вроде как осознанно не пытался никого воспитывать. Но уточнять, как он из приятеля, о чем Маркус, естественно, не помнил, превратился в воспитателя "детского сада" молодой человек не стал, сконцентрировавшись на насущной проблеме.

- Вода - это не так страшно. Постель можно и поменять. А если хочешь сидеть здесь, надень что-нибудь сухое. Или я могу одеяло принести, чтобы ты завернулся. Хоть врачеватели и под боком, простуду хватать все равно не стоит.

Джун хотел было продолжить воспитательный процесс, но вовремя остановился, почувствовав, что переигрывает. Видимо, прошедшие недели, когда Маркус находился в абсолютно зависимом от других состоянии, не прошли для него даром, заметно изменив отношение к человеку, в чью жизнь он раньше лез до определенного предела. Хотя стоило принять тот факт, что тот человек безвозвратно ушел, а ему на смену пришел уже кто-то другой, как надеялся Джун, завязавший с попаданием в неприятности.

- А одного тебя никто и не оставляет. Или ты думаешь, я сюда зря шел?

Стоило признать, что не только дежурные врачеватели привыкли к Маркусу, но и он

к ним, видимо, принимая их за часть обстановки лазарета. Но даже если так, Джун пока не собирался никуда уходить, а потому вполне мог составить Маркусу компанию после того, как тот перестанет упрямыться и дрожать от холода.

Маркус Агирре

- Хо-ро-шо. Я пой-ду об-рат-но, - сказал человек ровным и безэмоциональным голосом и тяжело встал со скамейки. Действительно, было несколько прохладно, и он не хотел еще подхватить что-то. Потому что очередная болезнь может еще на неопределенное время задержать его в лазарете. А он не хотел никому больше доставлять неудобств.

Не глядя на Джуна, он дошел до своего спального места и сел на циновку. Прислонился спиной к стене и обнял ноги, согнутые в коленях, руками.

- Мне Цэ-рин Лхаце ска-за-ла что вы о мне зна-е-те что-то. Мне снил-ся кош-мар. Че-ло-век на фото - мой о-тец. Он по-гиб? Мне прис-ни-лось, что на не-го у-пал ка-мень. Прос-тите, я пло-хо го-во-рю.

Он тяжело вздохнул и спрятал голову в колени. Он никогда больше не сможет нормально разговаривать? Зачем его спасли? Об этом он раньше не думал, но теперь знаний и умений становилось больше, и он не хотел никого напрягать больше. Почему люди заботятся о нем? Чем он заслужил это? Здесь они не смеются над его проблемами, но есть же другой мир. Кто-то его ждет? На душе стало тоскливо, но он старался держаться. Потому что никто не обязан с ним сидеть и вообще ухаживать о нем. Сейчас он совершенно не знал, что делать. Было плохо и больно. Но он не подавал вида. Ему всегда было страшно, особенно когда начались кошмары.

Джун Мотидзуки

Пусть Маркус и не светился радостью из-за необходимости покинуть скамейку, предупреждение о возможности подхватить еще какую-нибудь болячку быстро сделало его послушным. Что Джун посчитал хорошим знаком, поскольку мало что так помогало процессу реабилитации, как желание больного поскорее встать на ноги. А потому он, вместе с остывающим на подносе обедом, последовал за Маркусом, радуясь тому, что парень научился передвигаться без посторонней помощи.

- Я, если что, обед принес, - попытался Джун привлечь внимание к еде, ставя поднос неподалеку от Маркуса. - Это тхукпа с мясом. Готовил Ичи так что получилось вполне достойно. - Он сам до сих пор умел, скорее, портить продукты, чем делать из них что-то съедобное, даже когда речь шла о японской кухне, а уж о том, чтобы осваивать тибетскую Джун пока и не мечтал, предпочитая приносить пользу монастырю и собственному дому на другом поприще.

- А знать я, конечно, что-то знаю. - Молодой человек видел, что Маркуса волнуют какие-то моменты, связанные с попыткой восстановить свою личность, а потому был готов оказать ему в этом помощь, умолчав только о наиболее спорных моментах биографии. - По крайней мере, про то, что отец твой жив и здоров знаю точно. Тебе приснились события прошлого. Я знаю эту историю только по рассказам, но, вроде

как, вы с ним пережили землетрясение.

Джун не стал утаивать информацию о Маркусе, практически сразу связавшись с дядей, чтобы тот как-то помягче пересказал все своей эмоциональной жене, выбрав для этого подходящий момент. А когда "буря" утихла звонил уже Яреци напрямую, пытаясь выяснить у нее информацию, которая могла пригодиться для реабилитации человека, забывшего свое прошлое.

Маркус Агирре

- И-чи, - проговорил Маркус, но получилось не очень понятно. И вроде это должно быть легко, но у него не получалось говорить так, чтобы было понятно, а главное, чтобы на слова не уходило много сил. Потому что нормальные люди говорят спокойно и не устают при этом. -И-чи-ро, - повторил он.

Джун принес еду, и молодой человек почувствовал, как сильно голоден. Приняв полусидячее положение, он взял пиалу с едой, название которой он даже не понял, поэтому не было смысла пытаться повторить это. Назойливые палочки будто кричали "возьми меня", и молодой человек снова попробовал что-то ими сделать. Если быть точнее, то захватить мясо.

Как и было ожидаемо, у него ничего не получилось. Еда просыпалась, а палочки вообще упали. Маркус тяжело вздохнул и посмотрел на ложку. Нет, он попробует пользоваться палочками. Потому что все пользуются палочками, а он и так беспомощный, и не может же всю жизнь пользоваться ложкой.

Он снова взял палочки и снова попытался взять еду. На этот раз получилось захватить кусок мяса и почти донести его до рта, но в последнюю секунду кусок упал, и палочки тоже упали. Он закрыл глаза и судорожно вздохнул. На глаза снова навернулись слезы. Он устал. От всего этого. Он не помнит ничего из своего прошлого, не умеет ничего, он только недавно начал ходить, и теперь проблем стало меньше. Но их все еще было очень много.

- Я не у-ме-ю поль-зо-вать-ся па-лоч-ка-ми. Я ни-ког-да не по-пра-люсь? Я по-нял за мо-нас-ты-рем есть дру-гой мир. От-ку-да я? Кто я? Я не ну-жен от-цу?

Если отец действительно жив, то почему не дал о себе знать? Или он действительно ничего не знает, или же он просто не хочет о нем заботиться?

Еще раз попробовав поесть палочками, Маркус признал, что ничтожен, а потому сдался и стал есть ложкой. Он не хотел показывать свою слабость, но не получалось быть сильным.

- А моя ма-ть? Эта ве-дь жен-щина на фо-то не моя ма-ть? Мож-но мне по-пить? Спа-си-бо, это бы-ло вкус-но.

Может быть, надо больше и чаще говорить и ходить? Дойти до своей комнаты, чтобы найти там какие-то ответы на вопросы?

Джун Мотидзуки

Глядя на то, как Маркус сражается с палочками, Джун испытал острое желание как-то ему помочь. Но этот навык относился к числу тех, которые парень должен был постепенно освоить сам, насколько бы тяжело ему сейчас не приходилось.

- Откуда столько пессимизма? - молодой человек постарался, чтобы его голос звучал максимально бодро. - Раньше ты вообще есть сам не мог, а сейчас уже пытаешься освоить палочки, обращаться с которыми тебе и раньше приходилось учиться, так как европейцы используют вилки. Как по мне, так прогрессируешь ты очень быстро и идешь на поправку в отличном темпе.

С остальными заданными вопросами, больше похожими на крик души, все оказалось намного сложнее, поскольку об отношениях Маркуса с тем же отцом Джун знал только по рассказам, большая часть которых была полна детских обид. Но поднимать сейчас малоприятные для парня темы он не собирался, понимая, что тот и так находится в эмоционально нестабильном состоянии, а потому планировал останавливаться преимущественно на положительных моментах.

- Так, ну ты, конечно, закидал меня вопросами. Если на них отвечать подробно, то и нескольких дней не хватит. - Джун покачал головой, показывая свою неготовность вещать часами без остановки. - Конечно, кроме монастыря есть еще очень большой мир. Но там тебе не смогли бы помочь даже самые лучшие врачи. И еще подвох заключается в том, что в монастырь не могут просто так придти люди из этого большого мира. Не может и твой отец, пусть и очень за тебя переживает. А чтобы связаться с ним по телефону, тебе стоит как можно скорее окрепнуть настолько, чтобы добраться до деревни.

Вопросы вроде "кто я?" Джун пока решил опустить, понимая, что не сможет дать на них адекватного ответа, решив сразу перескочить на тему, касающуюся матери.

- Твоя мать умерла уже очень давно, когда ты появился на свет, а эта женщина - жена твоего отца и мать младшего брата. С которым, насколько я знаю, ты очень любил возиться.

Сделав перерыв в своих рассказах, Джун отправился на поиски здоровенной кружки, которую присмотрел еще в свои предыдущие визиты в лазарет и, найдя, наполнил водой, чтобы уже через минуту протянуть Маркусу. Стоило признать, что ухаживать за больным, а, точнее, выздоравливающим, последнее время стало намного проще и приятнее, и это давало надежду на скорое возвращение Маркуса в ряды людей, способных без особых проблем заниматься самообслуживанием.

Маркус Агирре

Получив кружку с водой, молодой человек ее обнял руками и сделал несколько больших глотков. Сейчас он пил больше воды, чем раньше, и это заставляло его чаще вставать и ходить. Это был один из способов быстрее научиться ходить нормально, без поддержки, не уставать при этом. Все остальное его сейчас беспокоило меньше, чем возможность снова обрести способность ходить нормально и быстро.

Джун ответил на некоторые его вопросы, и Маркус отставил кружку и обнял голову

руками, надеясь вспомнить хоть что-то, собрать хоть какую-то часть пазла воедино. Но кусочков, самых разных, было так много, а данных, наоборот, мало, и все его попытки что-то восстановить терпели крах. Потому что данных было мало.

Он был европейцем. Где-то это слово он уже слышал, но он сомневается, что слышал его сейчас, пока живет в лазарете. Значит, это слово из прошлого. Так же, как и много других слов. Телефоном он не умел пользоваться, так как здесь ни у кого не было телефонов. Точнее, никто не пользовался ими. А пока дальше скамейки у лазарета он не может пройти.

Мозг усиленно собирал кусочки. Но нового не было. Только то, что его отец ждет и ему нравилось возиться с младшим братом.

- Я хо-чу в-спо-м-нить всё. Как мне э-то с-де-ла-ть? Ве-дь я не у-мею поль-зо-ва-ться па-лоч-ками, да и лож-кой неп-ра-виль-но. С-коль-ко мне е-ще бы-ть з-десь? Мо-жет, мне на-до мно-го хо-ди-ть и раз-го-ва-ри-вать? Вы мо-же-те свя-заться с ним и ска-зать, что я... хо-чу к не-му вер-нуть-ся.

Маркус не помнил, каким образом попал сейчас в этот монастырь, но чувствовал, что сам хотел сюда попасть, заболев этой заразой. О бешенстве он не знал вообще ничего, только название и то, что от этого он умер. Но может быть, большой мир поможет ему вспомнить что-то еще? Он посмотрел на Джуна.

Джун Мотидзуки

Какое-то время Маркус пил воду и, судя по всему, обдумывал полученную информацию. Что-то из сказанного Джун уже упоминал раньше и не удивился бы, возникни у него необходимость повторить все еще раз. Хотя, учитывая, во что превратился мозг несчастного парня после пережитого, было бы глупо жаловаться на его неспособность быстро усваивать получаемую информацию.

- Свое прошлое тебе придется восстанавливать постепенно, складывая из рассказов других людей и каких-нибудь памятных вещей. - Джун не стал лишний раз обнадеживать Маркуса, обещая, что тот резко все вспомнит, не желая его откровенно обманывать даже в благих целях. - Но со временем тебе будет становиться все легче. Ты научишься делать то, с чем справлялся раньше. Что же до времени, которое тебе необходимо провести в монастыре... Я не знаю. Но восстанавливаешься ты быстро и все делаешь правильно.

Джун сильно сомневался, что решит Маркус увеличить физическую и интеллектуальную нагрузку, от этого будет какая-то польза. Конечно, он мог понять желание приятеля поскорее стать самостоятельным, но одним желанием было невозможно ускорить сложные процессы восстановления, сам факт существования которых уже доставлял немалую радость.

- А с твоим отцом я свяжусь. Он сейчас в Японии и если ты захочешь туда поехать, как окрепнешь, мы решим вопрос с твоим перемещением. Не волнуйся, еще успеешь насмотреться на большой мир.

Напрямую с Рикардо Агирре Джун еще не разговаривал, но ничто не мешало ему

изменить эту ситуацию, узнав номер у Яреци и договорившись о каких-то важных моментах, касающихся Маркуса, напрямую, когда разговор о путешествии в другую страну уже не будет казаться настолько диким.

Маркус Агирре

От обилия информации снова заболела голова, и молодой человек закрыл глаза. Хотелось спать, но он чувствовал, что разговор еще не закончен, и многое осталось невыясненным. Он вздохнул.

Кусочков больше не стало, но вопросов как будто наоборот, стало больше. И эта его беспомощность очень злила. Он по-прежнему не знал, кто он и откуда, точнее, что он испанец он уже понял, и что мать его умерла очень давно - тоже. А вот о том, что случилось с дядей и бабкой, а также с тетей... может быть, ему об этом рассказали, но сейчас он не помнил. А лишний раз спрашивать это он не считал правильным. Надо пытаться все вспомнить самому.

- Спа-си-бо, - сказал Маркус, почувствовать, что говорить стало труднее. - Я бу-ду вам... бла-го-да-рен. - По слогам произнес он. - Я ус-тал. Поз-во-ни-те е-му, по-жа-луй-ста.

Молодой человек снова закрыл глаза и лег на постель. Одеяло было влажным из-за пролитой ранее воды, и он снова почувствовал, как щеки наливаются смущенным румянцем. Глупо, очень глупо, но он ничего не мог поделать. Ему было стыдно.

- У ме-ня о-де-я-ло мок-ро-е, - пробормотал он, посмотрев на молодого человека.

Джун Мотидзуки

По лицу Маркуса было видно, что полученная информация усваивается не самым лучшим образом, но Джун не собирался унывать по этому поводу. Пусть и медленно, но заново рожденный что-то запоминал, постепенно воссоздавая свою личность, а большего от него сейчас никто и не требовал. Джун был готов повторять одно и то же столько раз, сколько потребуется, иначе вообще бы не брался за ответственную задачу быть главной нянькой и проводником Маркуса в мире, где ему все приходилось начинать с нуля.

- Одеяло - это не беда. - Джуну не нужно было повторять несколько раз, чтобы он дал возможность отдохнуть Маркусу от общения. Уставал парень очень быстро и, по понятным причинам, практически от всего, и чтобы дольше не забивать его голову рассказами о прошлом, которые еще нужно было как-то переварить, Джун поменял ему одеяло и приготовился ухаживать.

- Отдыхай, я еще загляну ближе к вечеру. - Ужин был на Ичиро, но молодой человек взял за правила забегать в лазарет в течение дня хотя бы не несколько минут, чтобы оценить обстановку. И пока не собирался избавляться от этой привычки, оставляя Маркуса в относительном одиночестве лишь на время, которое планировал потратить на кочу накопившихся дел и общение с женой.
